

С Л О В О П Е Р В О Е

Стагирий, происходивший из знатного и богатого дома и воспитанный в правилах христианской веры, по благочестивому настроению своему отказавшись от богатства и мирских занятий в Антиохии, посвятил себя подвижнической жизни отшельников, в которой вскоре, по попущению Божию, подвергся действию демона (беса или злого духа), страдал припадками беснования, причинявшими ему такие мучения и такое душевное уныние, что он покушался даже лишиться себя жизни. Святой Иоанн Златоуст, узнав о бедственном состоянии Стагирия, с которым находился в дружеских отношениях, желал доставить ему духовное утешение посредством письменных увещаний, не имея возможности лично посетить его по причине собственной болезни, постигшей его после подвигов в пустыне в конце 380 года по Р. Х. В это время или в начале 381 года и могли быть написаны предлагаемые три слова святителя.

1. Нам следовало бы теперь быть при тебе, любезнейший мой Стагирий, и принимать участие в твоих страданиях и хотя сколько-нибудь, по мере наших сил, облегчать твое уныние, утешая словом, помогая делом и употребляя все другие средства; но так как телесная слабость и приключившаяся головная боль, принудив оставаться дома, лишила нас возможности послужить в столь полезном деле, то не замедлим исполнить по нашим силам то, что еще остается, и для твоего утешения, и для нашей пользы. Может быть, это поможет тебе мужественно переносить настоящее бедствие; если же мы не будем иметь успеха в этом, то, по крайней мере, мысль о том, что мы со своей стороны не опустили ничего должного, облегчит нашу душу. Кто исполнил все, что считает полезным для прекращения постигших ближнего страданий, тот, если и не успеет в этом, освобождается, по крайней мере, от упреков совести и, сложив с себя тяжесть этих упреков, должен нести только тяжесть скорби.

Если бы я был из числа тех, которые благоугодны Богу и могут сделать великое, то не переставал бы молить и просить Бога о драгоценном для меня человеке; но так как множество грехов лишает меня этого дерзновения и силы, то постараюсь предложить тебе словесное утешение. Так бывает и с теми, кто страдает телесными болезнями: уничтожение страданий и прекращение болезни есть дело врачей, но утешение больных не запрещается и прислуживающим им рабам; они-то особенно и говорят много в пользу своих господ, если благорасположены к ним. Итак, если мы скажем что-нибудь такое, что может прекратить чрезмерную скорбь твою, тогда исполнится то, чего мы желаем; если же ничего такого не найдем сказать, то, конечно, одобрит наше усердие Тот, Кто чрез блаженного Павла повелел плакать с плачущими и последовать смиренным (см. Рим. 12, 15–16).

Причина твоего уныния, по-видимому, одна — неистовство лукавого демона; но можно найти много скорбей, рождающихся потом

от этого корня. Это говорю я теперь не от себя, но на основании тех жалоб, которые часто слышал от тебя, когда ты был вместе с нами; и, во-первых, (ты жаловался) на то, что в прежнее время, когда ты вел мирскую жизнь, ты не терпел ничего подобного, а когда распялся миру, тогда и почувствовал такую болезнь, которая способна смутить и повергнуть в отчаяние; во-вторых, на то, что многие из живущих в удовольствиях, подвергшись одинаковой с тобою болезни, после кратковременных страданий освободились от этой болезни и совершенно выздоровели, так что вступили в брак, сделались отцами многих детей, наслаждались удовольствиями настоящей жизни и вновь уже не подвергались подобной болезни, — ты же проводишь столько времени в постах, всенощных бдениях и прочих подвигах и между тем не получаешь освобождения от постигших тебя страданий; в-третьих, на то, что тот святой муж, который явил столь великую силу на других людях, не мог этого же сделать на тебе,

возлюбленный, и не только он, но и бывшие с ним, которые даже сильнее его, все отошли от тебя одинаково безуспешными.

Кроме того, по словам твоим, ты сильно скорбишь и потому еще, что сила уныния так овладела твоею душою, что часто ты едва не бросался в петлю, или в реку, или в пропасть. Есть и пятая жалоба, состоящая в том, что ты видишь, как твои сверстники и вместе с тобою начавшие вести подвижническую жизнь благодушествуют, а ты еще находишься в жесточайшей буре и живешь в самой ужасной темнице. По словам твоим, не столько должно плакать закованным в железо, сколько связанным этими цепями. Затем, говорил ты мне, и еще нечто сильно беспокоит тебя: ты боишься и трепещешь за отца, как бы он, узнав об этом, не сделал больших неприятностей принявшим тебя вначале святым; потому что, надеясь на свою силу и богатство и предавшись скорби, он отважится против них на все и не удержится ни от чего, что ему вздумается. До настоящего времени мать

могла скрывать от него случившееся и отвлекать его, когда он искал тебя; но с течением времени притворство матери откроется, и он жестоко поступит и с нею, и с монахами. Но верх несчастья в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь точно, прекратится ли и окончится ли когда-нибудь эта болезнь, после того как ты столько раз надеялся на исцеление и потом опять подвергался прежним мучениям. Все это, конечно, в состоянии беспокоить душу и исполнить великого смущения, но душу слабую, неопытную и беспечную. Если же мы захотим быть несколько внимательными и благочестиво рассудить, то рассеем эти причины уныния, как мелкую пыль. Не подумай, будто я теперь так легко обещаю тебе это потому, что я сам чужд этой скорби и бури. Если слова мои и покажутся иным невероятными, несмотря на это я буду говорить; а ты сам, конечно, не будешь вместе с другими не доверять нам. Когда нечистый демон в первый раз напал на твою душу и поверг тебя

в то время, как ты молился вместе со всеми, то хотя я и не был при этом (за что благодарю человеколюбивого Бога), однако узнал все в точности, как бы находясь там. Мой и твой друг Феофил ефесянин, пришедши, подробно рассказал мне обо всем: о корчах в руках, об искривлении глаз, о пене на устах, о страшном и невнятном голосе, трясении тела, продолжительном обмороке и сновидении, бывшем у тебя в ту ночь, тебе представилось, говорил он, будто дикая свинья, испачканная грязью, постоянно бросалась на тебя и боролась с тобою; и когда спавший подле тебя, встревоженный этим видением, проснулся, то увидел, что тебя опять мучит демон.

2. Когда он рассказал об этом, то навел на нас такую же мглу, в какую демон поверг тебя, возлюбленный! Но когда я, спустя долгое время, пришел в себя, то все неприятное в этом мире перестало казаться мне неприятным и все приятное — приятным; издавна познав всю суету житейского, я почувствовал

ее тогда еще более, и любовь моя к твоему благочестию сделалась сильнее. Таково свойство несчастий: они обыкновенно усиливают дружбу; это видно из того, что они легко могут прекращать и вражду. И нет человека столь жестокого и бесчувственного, который, видя врага своего в несчастье, мог бы еще питать к нему ненависть. Если же мы жалеем даже врагов и поступаем с ними как с друзьями, когда видим их претерпевающими какое-либо несчастье, то подумай, что должен был чувствовать я, видя в тяжких муках уныния того, кто для меня любезнее всех и кем я дорожу, как своею головою.

Не думай же, будто мы чужды твоей скорби, и поэтому не принимай моего утешения с подозрением. Хотя я, по милости Божией, и свободен от мучений и нападений лукавого демона, но не менее твоего чувствую уныние и скорбь от этих мучений, чему поверит мне всякий, кто умеет любить так, как должно любить. Страхнем же с себя эту пыль; тогда сносно и легко будет это уныние по свойству

своему, если только мы не захотим беспечно предоставить этому чувству увлекать нас в пропасть, но постараемся воспрянуть духом и размыслить, что надобно делать.

Многие из кажущихся несчастий представляются великими и невыносимыми, пока не будут хорошо рассмотрены; а кто рассмотрит их разумно, тот найдет, что они гораздо легче, чем о них думали; это, надеюсь, случится и теперь. Итак, ободрись, не следуй пустому и неразумному мнению толпы и не делай врага более сильным против нас. Если бы я говорил с кем-нибудь из неверных или думающих, будто все происходит случайно, или приписывающих промыление о мире лукавым демонам, то мне предстояло бы много труда, чтобы сначала опровергнуть ложное мнение и внушить убеждение в истинном Промысле о вселенной, а потом обратиться к утешению; но так как ты, по благодати Божией, с детства знаешь Священное Писание и, приняв от предков истинные и спасительные догматы, несомненно веруешь, что Бог

промышляет обо всем и особенно о верующих в Него, то, оставив эту часть речи, начнем с другого.

Когда Бог сотворил Ангелов — или, лучше, поведем речь с высшего — прежде, нежели получили бытие Ангелы и прочие Силы небесные, существовал Бог, не имеющий начала бытия Своего. Как Существо, никогда не имеющее ни в чем нужды (ибо таково Божество), он сотворил Ангелов, Архангелов и прочие бестелесные существа; сотворил единственно по благодати Своей, а не по чему-либо иному. Если бы Он не был высочайше благ, то и не сотворил бы тех, в чьем служении не нуждался. По сотворении их Он творит, опять по той же самой причине, и человека, и весь этот мир. Одарив человека бесчисленными благами, Он поставил это малое и немощное существо владыкою над таким множеством творений, сделав его на земле тем же, что Сам Он на небесах. Ибо слова: *Сотворим человека по образу Нашему и по подобию* (Быт. 1, 26) — означают не

что иное, как то, что и человеку дана власть над земным. Сотворив его и поставив в такой чести, Бог назначил ему, как царю, царское, прекраснейшее на всей земле место пребывания — рай. Кроме того, желая и другим способом показать ему, насколько он выше прочих тварей, Бог приводит к нему всех животных и повелевает дать всем им имена; но ни одного из них не дает ему в помощники, представляя и причину: *не нашлось помощника*, говорит, *подобного ему* (Быт. 2, 20). Показав этим человеку, что он занимает середину между двумя естествами (небесным и земным), что он выше всего земного и что из множества этих творений ни одно не равно ему, Бог творит потом жену и этим удостаивает его новой чести и ясно показывает, что жена создана для него, как и Павел говорит: *и не муж создан для жены, но жена для мужа* (1 Кор. 11, 9). И не этим только Бог отличил человека, но и тем, что ему одному из всех творений сообщил дар слова, удостоил его познания о Себе, позволил наслаждаться

собеседованием с Собою, сколько это было для него возможно, обещал дать ему бессмертие, исполнил его великою мудростью и даровал ему духовную благодать, так что он изрекал некоторые пророчества. Всем этим Бог одарил человека тогда, когда с его стороны еще не сделано было никакого доброго дела.

Как же поступил человек после столь многих и великих благодеяний? Он более поверил врагу, нежели даровавшему все это, и, презрев заповедь Творца, предпочел обольщение того, кто старался совершенно погубить его и лишит всех благ, — предпочел несмотря на то, что диавол не оказал ему никакого, ни великого ни малого, благодеяния, а только сказал ему несколько слов. Но погубил ли Бог человека за то, что он проявил такую неблагодарность в самом начале и, так сказать, на первом шагу своем? По справедливости следовало бы погубить и исторгнуть из среды живых того, кто, получив бесчисленные блага, в самом начале жизни заплатил за эти блага непослушанием и неблагодарностью.

Но Бог продолжал благодетельствовать ему не меньше, чем прежде, показывая, что хотя бы мы тысячу раз согрешили и отступили от Него, Он никогда не перестанет устроить наше спасение, и что если мы обратимся, то спасемся; если же будем упорствовать во зле, то, по крайней мере, ясно будет, что Бог делает все от Него зависящее. Так и изгнание из рая, и удаление от древа жизни, и осуждение на смерть кажется делом наказующего и отмщающего, но на самом деле есть не меньше прежнего дело Промышляющего (о человеке). Хотя эти слова и представляются странными, однако они истинны: события, конечно, были противоположны одни другим, но цели тех и других одинаковы и согласны: то есть изгнание из рая, поселение в виду его, запрещение (вкусать) от древа жизни, удаление от этого древа, осуждение на смерть, временное отдаление этого осуждения; все это так же, как и прежние благодеяния, сделано для спасения и чести человека. О прежнем я не буду говорить ничего (потому что

это очевидно для всякого), но о последнем надобно сказать.

3. Как же мы узнаем, что и последнее сделано для пользы человека? Узнаем, если размыслим, чему подвергся бы он, если бы этого не было. Чему же он подвергся бы? Если бы человек после обещания дьявола сделать его по преступлению заповеди равным Богу остался в той же чести, то впал бы в три крайние бедствия. Во-первых, стал бы считать Бога недоброжелательным, обольстителем и лжецом; во-вторых, действительного обольстителя, отца лжи и злобы, — благодетелем и другом; и кроме того, продолжал бы впредь грешить бесконечно. Но Бог избавил его от всего этого, изгнав тогда из рая. Так и врач если не трогает раны, то дает ей более загноиться; если же вырезывает, то останавливает дальнейшее распространение гнилости язвы. «Что же из этого?» — скажет кто-нибудь. Бог не остановился на этом, но еще наложил на человека подвиги и труды, потому что ничто так не малоспособно пользоваться

покоем, как человеческая природа. Если уже и теперь, когда лежат на нас такие труды, мы грешим непрестанно, то на что не дерзнули бы, если бы Бог оставил нас при удовольствиях еще и в бездействии? *Праздность*, — говорит Писание, — *научила многому худому* (Сир. 33, 28). Это изречение подтверждают как ежедневные события, так и случившееся с нашими предками. *И сел народ*, — говорит Писание, — *есть и пить, а после встал играть* (Исх. 32, 6). И еще: *разжирел, утучнел и отолстел возлюбленный* (Втор. 32, 15). Согласно с этим говорит и блаженный Давид: *Когда Он умерщвлял их, они искали Его и скоро обращались к Богу* (Пс. 77, 34). И к Иерусалиму Бог говорит чрез Иеремию: *Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалилась от тебя* (Иер. 6, 8). А что не только злым, но и добрым людям спасительно подвергаться уничижению и страданию, об этом пророк еще говорит так: *Благо мне, Господи, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим* (Пс. 118, 71). После него и Иеремия говорит

то же самое, хотя не теми же словами: *благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит* (Плач. 3, 27–28); и о себе самом молит Бога так: *не будь мне во отчуждение и сжался надо мной в день лютой* (Иер. 17, 17). И блаженный Павел, который столько просиял благодатью и превзошел человеческую природу, имел, тем не менее, нужду в этом благотворном средстве; посему и говорил: *дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»* (2 Кор. 12, 7–9). Хотя Евангельская проповедь могла быть совершенна и без гонений, без скорбей, без трудов и подвигов, однако Христос не восхотел этого, промышляя о проповедниках. Поэтому и сказал им: *в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33). И желающим войти в Царство Небесное Он повелел идти тесным путем, так как иначе невозможно достигнуть его (см. Мф. 7, 13).

Итак, скорби, искушения и все случающиеся с нами неприятности не менее радостей доказывают Божие о нас попечение. И что я говорю о здешних скорбях? Самая угроза геенною не менее обетования Царства Небесного показывает Божие человеколюбие. Если бы Он не угрожал геенною, то не скоро можно было бы достигнуть небесных благ. Одно обетование благ не достаточно для побуждения к добродетели, если не имеющих усердия к ней не поощряет и страх наказания. Поэтому Бог и первозданного человека вначале изгнал из рая, так как дарованная ему честь сделала бы его хуже, если бы осталась твердою и непоколебимою после нарушения заповеди. И что я говорю об Адаме? Чего не сделал бы Каин, живя в раю и наслаждаясь его утехами, если он и лишившись этого, и имея пред глазами своими наказание, постигшее отца, не вразумился, но впал еще в большее нечестие: первый и изобрел, и совершил убийство, и убийство самое преступное? Он не мало-помалу и не в течение

долгого времени дошел до этого нового злодеяния, но внезапно и вдруг достиг самой вершины нечестия — подстерег и убил того, кто произошел из одной с ним утробы, и не оскорбил его ничем; или, может быть, Каин счел за оскорбление себе, что Авель угодил Богу? Впрочем, по моему мнению, и здесь ты можешь усмотреть человеколюбие Божие: когда Каин оскорбил Самого Бога, Творец вразумляет его словами и утешает в скорби; но когда он совершил преступление против брата, тогда уже Бог являет гнев Свой и налагает наказание. Между тем и первое заслуживало такого же, если не более жестокого наказания. Если у людей считается проступком и обидою, когда кто-нибудь из рабов лучшее сбережет для себя, а худшее подаст господину, не тем ли более это применимо в отношении к Богу? Но Каин совершил не только этот грех, но и другой, не меньший, — позавидовал чести брата. Если бы он раскаялся в грехе своем, то угодил бы Богу этою прекрасною переменою; но не от

раскаяния, а от зависти и ненависти происходило его смущение, как показал это конец дела. Каин почти разгневался на Бога за то, что Бог, оскорбленный им, не почтил его и не предпочел злого доброму; однако Бог, несмотря на то что грехи Каина требовали тяжкого наказания, поступает с грешником гораздо милостивее, чем он заслуживал, и пытается успокоить раздраженную душу его. Ибо скорбь Каина происходила от раздражения; потому Бог и говорит ему: *умолкни* (Быт. 4, 7). Так говорил Бог, хотя и знал, до чего дойдет злоба Каина; но Он хотел отнять у неблагодарных всякий предлог (к ропоту). Если бы Каин наказан был в самом начале, то многие стали бы говорить так: «Разве нельзя было наперед внушить словами, вразумить и устрашить, а потом и наказать, если бы Каин остался при прежнем расположении? Наказание его весьма жестоко и строго».

Поэтому Бог долго терпит наносимые Ему оскорбления, чтобы заградить уста таким

людям и вместе показать, что Он и отца Каинова наказал по Своей благости, и, кроме того, последующих людей привести к покаянию таким Своим милосердием. Когда же Каин по упорству своему и нераскаянности сердца собрал себе гнев (ср. Рим. 2, 5), тогда Он и наказывает; если бы Каин и после убийства остался ненаказанным, то решил бы и на другое, еще большее зло. Нельзя сказать и того, что он согрешил по неведению: мог ли он не знать того, что знал младший брат?

Впрочем, если угодно, положим, что первое (преступление) произошло от неведения; но после того, как он услышал: *умолкни*, после того, как получил прощение, — неужели по неведению он решился на убийство, осквернил землю и нарушил законы природы? Видишь ли, что и первое происходило не от неведения, а от злобы, лукавства и крайнего нечестия? Какое же наказание за все это? *Стенающим и трясущимся будешь на земле* (Быт. 4, 12), — говорит Бог.

Наказание, по-видимому, тяжкое; но оно не будет таким, если мы размыслим о грехе и внимательно рассмотрим самое наказание. Каин после того, как неправо принес жертву (ср. Быт. 4, 7), обиделся на то, что он, оскорбивший, не почтен оскорбленным Богом, отверг Его внушение, первый дерзнул совершить убийство или, лучше сказать, грех еще более преступный, чем убийство, опечалил родителей, солгал пред Богом. *Разве, сказал он, я сторож брату моему?* (Быт. 4, 9). И за все это наказывается только страхом и трепетом! Впрочем, можно сказать, что благость Божия видна здесь не из того только, что наказание легче греха, но из того, что в наказании заключается немалая польза. А польза та, что все последующие люди вразумляются наказанием Каина и становятся лучшими. Поэтому Бог не тотчас предал Каина смерти; потому что не все равно — слышать ли, что какой-то Каин, убивший брата, подвергся смерти, или видеть этого убийцу несущим наказание.

В первом случае могли бы и не поверить рассказу по чрезмерности преступления; а теперь, когда Каин был видим и многие в течение долгого времени были свидетелями его наказания, событие стало очевидным и достоверным и для современников, и для потомков. Но, скажут, какая же польза от этого ему самому? Весьма большая: Бог заботился и о его спасении, когда словесным вразумлением умерял его ярость, насколько от Него зависело. Но если рассмотреть и самое наказание, то и от него окажется великая польза. Если бы Бог тотчас умертвил Каина, то не дал бы ему времени для раскаяния и исправления. Теперь же он, продолжая жизнь в страхе и трепете, мог бы получить от такой жизни великую пользу для себя, если бы не был крайне бесчувственным и больше зверем, нежели человеком. Кроме того, настоящее наказание уменьшало для него тяжесть будущего мучения, потому что наказаниями или бедствиями, которые посылает на нас Бог в настоящей жизни, устраняется

немалая часть будущих мучений. Свидетельства на это можно привести из Божественных Писаний. Христос, беседуя с учениками и повествуя о Лазаре, говорит, что Авраам, когда богач просил его оросить немного концом перста горящий язык, сказал ему: *чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь* (Лк. 16, 25). А Павел (когда говорю о Павле, то также разумею заповеди Христа, потому что Им была движима эта блаженная душа), когда пишет к коринфянам о блуднике, повелевает предать его сатане *во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 5, 5). И еще, беседуя с ними же о тех, которые недостойно приобщаются Таин, говорит: *от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 30–32). Видишь ли

неизреченное человеколюбие и беспредельное богатство благодати? Видишь ли, как Бог делает и предпринимает все, чтобы мы, и согрешивши, потерпели наказание легче заслуженного или даже совершенно от него избавились?

4. Если же кто скажет: почему Бог не уничтожил древнего искусителя, то (ответим, что) и здесь Он поступил так, заботясь о нас. Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность; но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем как мы можем и не склоняться), то для чего же устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов? Притом, если бы Бог, зная, что диавол неодолим и может всех покорить себе, оставил его в мире, и тогда не следовало бы предлагать подобного вопроса; и тогда мы сами были бы виновны, если бы он одолевал и побеждал тех, которые не противятся ему, но подчиняются добровольно.

Однако сказанного было бы недостаточно для тех, кто не хочет вразумиться. А если много есть таких, которые уже преодолели силу дьявола, и много еще будет таких, которые преодолеют, — для чего же имеющих прославиться и одержать блистательную победу лишать этой чести? Бог для того оставил дьявола, чтобы и те, которые уже побеждены были им, низложили его самого; а это для дьявола тяжелее всякого наказания и может довести его до конечного осуждения.

Но, скажет кто-нибудь, не все могут преодолеть его. Что же из этого? Гораздо справедливее, чтобы доблестные имели повод к обнаружению своей доброй воли, а недоблестные наказывались за собственное нерадение, нежели чтобы первые терпели вред за вторых. Теперь порочный если и терпит вред, то потому, что его побеждает не враг, а его собственное нерадение, как это доказывается тем, что многие побеждают дьявола. Тогда же добродетельные потерпели бы вред за порочных, потому что из-за них

не имели бы повода показать свое мужество; и было бы то же, как если бы распорядитель при ратоборстве, имея двух борцов, из которых один готов сойтись с противником, выказать много мужества и получить в награду венец, а другой предпочитает утомительной борьбе бездействие и веселье, удалил противника и их обоих отпустил без дела. Здесь храбрый потерпел бы вред из-за негодного; а последний худ не из-за храброго, а по собственной негодности.

Кроме того, хотя настоящий вопрос касается по видимости дьявола, но такое умствование, простираясь далее по связи мыслей, во многих отношениях поведет к обвинению и порицанию Промысла Божия и подвергнет нареканию все мироздание. Так оно осудит создание уст и глаз; потому что через глаза многие получают пожелание того, чего не должно, и впадают в прелюбодеяние, а устами иные произносят богохульства и преподают пагубное учение. Неужели же поэтому людям надлежало быть без языка и без глаз?

Так отсечем и ноги, отрубим и руки, потому что руки иногда обагрятся кровью, а ноги бегут на грех. И уши не могли бы избежать такого же строгого осуждения, потому что и они воспринимают тщетную молву и передают душе пагубное учение; отсечем же и их. А если так, то и пища и питье, и небо и земля, и море, и солнце, и свет, и луна, и хор звезд, и все роды бессловесных животных — все они на что будут полезны, когда тот, для кого они созданы, обезображен столь жалким образом?

Видишь ли, до каких смешных и нелепых мыслей неизбежно доводит такое умствование? Дьявол зол для себя, а не для нас; мы же, если захотим, можем приобрести через него много и добра, конечно, против его воли и желания; в этом и открывается особенное чудо и превосходство человеколюбия Божия. То, что люди делаются лучшими, само по себе уже терзает и мучит дьявола; а когда мы будем достигать этого через него же, то он не в состоянии будет и перенести такого

посрамления. Но как это достигается через него? Когда мы, страшаясь его жестокости, постоянных наветов и непрерывных козней, будем отгонять от себя тяжкий сон, бодрствовать и всегда помнить о Господе. Это не мои слова, а блаженного Павла, послушай, как он почти теми же словами пробуждает спящих из числа верных. В Послании к Ефессянам он говорит так: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной* (Еф. 6, 12). Так говорил он не с тем, чтобы лишить их мужества, но чтобы ободрить. И Петр говорит: *трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою* (1 Пет. 5, 8–9). Это сказал он, желая сделать нас более мужественными и внушить, чтобы мы более прилеплились к Богу.

Кто видит наступающего врага, тот скорее прибегает и прилепляется к могущему

помочь. Так и малые дети, когда увидят что-нибудь страшное, бегут в объятия матери, хватаются за одежду ее, крепко держатся за нее и не отстают, несмотря на старания многих оттащить их прочь; а когда нет ничего страшного, они не слушают ни ее зова, ни побуждения, отвергают ее приглашения, отворачиваются, когда она всячески старается приманить их к себе, и даже не смотрят на предложенную пищу. Поэтому многие матери, когда не действуют убеждения, посредством пугал и страшилищ ухищряются возвратить к себе детей и убеждают их опять прибежать к ним. Так бывает не только с детьми, но и с нами.

Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя, тогда с великим усердием прибегаем к Богу. Но если бы дьявол был уничтожен в самом начале и не существовал, то, может быть, многие не поверили бы тому, что было, то есть что он обольстил человека и лишил его многих благ, а сказали бы,

что это сделал Бог по недоброжелательству и зависти. Если и теперь, после столь ясных доказательств обольщений дьявола, некоторые дерзают говорить это, то чего не сказали бы, чего не наговорили бы, если бы вовсе не испытали злобы его?

Впрочем, если обратить строгое внимание на дела, то (можно заметить, что) на худое не всегда толкает нас дьявол; хотя он делает нам много зла, но много и мы сами вредим себе, единственно по своей беспечности и нерадению. Обратимся опять к тому, с чего начали. Когда дьявол приступал к Каину и внушал ему совершить убийство? С матерью его он открыто разговаривал и соблазнял ее, а с ним не делал этого; если скажут, что он вложил в него злые помыслы, то и это зависело от самого Каина, который принял внушение, послушался и подал дьяволу повод к наступлению. Однако Бог и тогда не оставил Каина, но продолжал научать и вразумлять его тем самым, чем, по видимому, наказывал его. Но что я говорю

о наказании Каина, одного человека, когда и потоп, в котором погибло столько людей, может открыть нам Божие промышление? И во-первых, Бог не вдруг и не внезапно навел это бедствие, а предсказал о нем, и не за короткое время, но еще за сто двадцать лет. Потом, чтобы люди, по причине отдаленности предсказанного, не забыли и не впади в беспечность, Он повелел строить пред глазами их ковчег, который яснее всяких слов говорил об угрозе Божией. Каин уже изгладился из памяти людей, а этот ковчег, находившийся перед их глазами, постоянно напоминал об угрожавшем бедствии. Но люди и после этого не вразумились, а продолжали вызывать и навлекать на себя бедствие. Бог никогда бы не захотел угрожать потопом и наводить его, равно как угрожать и геенною, но всему причиною — мы сами. Зная это, премудрый говорил: *Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих* (Прем. 1, 13). И Сам Бог чрез пророка говорит так: *разве Я хочу смерти беззаконника?*

Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив? (Иез. 18, 23; ср. Иез. 33, 11).

Если же мы не обращаемся, то сами навлекаем на себя погибель и смерть, а не Бог, Который не хочет, чтобы мы погибли, и показывает путь, как избежать дьявола. Но это ли только можем мы сказать о потопе и не найдем ли какой-либо пользы, от него происшедшей? Невозможно и сказать, сколько пользы произошло от него как для самих погибших, так и для последующих людей. Первые были удержаны от дальнейших преступлений, а последние получили еще большую пользу, так как вместе с самими грешниками уничтожена была, так сказать, закваска и причина зла. Если люди и без примеров легко могут изобретать зло, то чего бы они не сделали, если бы многие поощряли их к порочным делам? Чтобы этого не случилось, чтобы последующие люди не имели столь многих учителей зла, Бог одновременно погубил всех их.

5. Но как мудро или, вернее, как безумно суждение тех, которые, не желая делать

ничего доброго, придумывают и говорят все, чтобы вину собственных грехов сложить на Бога! Если бы, говорят они, Бог не попустил, то дьявол и не приступил бы и не прельстил сразу. Но тогда Адам и не узнал бы, какое имел он благо, и никогда не смирил бы своей гордости. Кто так высоко думал о себе, что надеялся быть богом, на что не дерзнул бы, если бы не был вразумлен? Предположим, что дьявол не внушил бы ничего Еве и ни слова не сказал бы ей о древе, — неужели в таком случае прародители не пали бы никогда? Нельзя этого сказать. Кто так легко послушался жены, тот и без дьявола, сам по себе, скоро впал бы в грех, за что подвергся бы еще большему наказанию. Притом и в настоящем событии не одно обольщение дьявола было причиною всего зла, но жена увлеклась собственной похотью и пала. На это указало и Писание, сказав: *и увидела жена, что древо хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела* (Быт. 3, 6).

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ПЕРВОЕ

5

СЛОВО ВТОРОЕ

79

СЛОВО ТРЕТЬЕ

151

